

TERRARISMO

Манифест Исходного Состояния

Ренато Писарро Оссес

2026

*Этот манифест существует, чтобы пробудить два
импульса,
которые современная культура систематически
подавляет:
чувствовать себя коренным (NATIV) — и вернуть
себе божественную технологию.
Им не учатся. Их вспоминают.*

*Этот текст не пытается убедить.
Он провозглашает.
Те, кто резонирует, — входят.
Те, кто нет, — отскакивают. И это тоже
нормально.*

I. Исходное состояние

Прежде чем возникает что-либо ощутимое, существует равновесие. Не пустота. Не отсутствие. Равновесие — самая плотная форма существования, настолько полная, что её невозможно воспринять изнутри. Мы называем её тёмной материей, потому что не можем её увидеть. Мы не можем её увидеть, потому что у неё нет краёв. У неё нет краёв, потому что у неё нет внешнего.

Это целое без напряжения. Тишина перед песней. Не тишина как пауза. Тишина как условие — где все времена сосуществуют без различия, где нет «до» и «после», потому что нет события, которое бы их разделяло. Время не предшествует резонансу. Время есть резонанс.

Из этой тишины ощутимое возникает не как творение, а как условие. Когда равновесие нарушается в точной пропорции, появляется то, что мы называем материей. Не субстанция. Событие. Нота. Локальный резонанс исходного состояния, который на мгновение обретает форму, массу, температуру, длительность.

То, что мы называем Большим взрывом, не было началом вселенной. Это была первая слышимая нота. Момент, когда тишина натянулась достаточно, чтобы стать звуком. До этого момента не было времени в ожидании — было равновесие без времени. Песня не началась: она возникла, как всегда возникает нота, когда напряжение достигает точного порога.

Разум, который некоторые интуитивно предчувствовали, не мыслит и не решает. Он — инструмент. Потрясенный, он может только звучать. Всегда одинаково. Всегда производя, там, где условия соблюдены, то, что мы называем жизнью.

Числа, которые мы используем, чтобы описать всё это, — не данные. Они тоже резонансы. Символы принадлежат нам. Вибрация

принадлежит вселенной.

Земля не прибыла сюда. Земля — это имя, которое мы даём некоему идеальному условию — тепловому градиенту, структурному возмущению точно в нужной точке — где резонанс исходного состояния неизбежно производит то, что мы называем жизнью. Не случайно. Не по замыслу. По необходимости.

Там, где условия соблюдены, жизнь происходит. Всегда. Как нота возникает, когда задета правильная струна.

Делить это на более мелкие частицы — значит делить волну в поисках воды. Появляются волны поменьше. Вы никогда не достигаете самой «вещи», потому что вещи не существует. Существует резонанс.

II. Резонанс

Материя — не субстанция. Она — событие.

Когда исходное состояние потревожено в точной пропорции — не слишком сильно, не слишком слабо, — возникает то, что мы называем миром. Не как построение, а как следствие. Резонанс не создаёт форму: он её раскрывает. Форма была имплицитно заложена в структуре исходного состояния, ожидая нужного возмущения.

Свет не путешествует. Он распространяется. Ничто не летит от звезды к вашему глазу — существует цепь электромагнитных событий, происходящих внутри структуры исходного состояния, подобно тому, как эффект домино происходит внутри ряда. То, что мы измеряем как скорость света, — это скорость распространения этой цепи. Свойство сетки, а не фотона.

Это переворачивает всё, что мы, как нам кажется, знаем о космических расстояниях. Если свет распространяется, а не путешествует, то все измерения, использующие свет как линейку, измеряют сетку, а не пространство. И если сетка неоднородна — если в ней есть зоны большего или меньшего резонанса, — тогда красное смещение далёких галактик может быть эффектом изменения плотности сетки. Расширение вселенной может быть иллюзией перспективы, порождённой измерением линейкой, которая сама меняется.

Посмотрите на далёкую звезду с достаточным увеличением. Вы увидите движения, которые физика называет случайными, — флуктуации, мерцание. Это не так. На таком расстоянии вы видите не звезду. Вы видите, как сетка делает себя видимой. Флуктуации — не шум. Это тень структуры.

Масса — не свойство вещей. Это эффект вектора, выведенного из равновесия. Гравитация не притягивает — резонанс склоняется к

исходному состоянию. То, что мы называем падением, — это возвращение к состоянию наименьшего напряжения.

В идеальном условии холода и тепла, градиента и структуры возникает жизнь. Она не может не возникнуть. Как струна, задетая в точной точке, не может не зазвучать. Жизнь — не чудо. Чудо — условия. Жизнь — их неизбежное следствие.

III. Человек

Человек — самый сложный узел, который резонанс произвёл в этом локальном условии, которое мы называем Землёй.

Не центр. Не цель. Узел, способный осознавать сетку, в которой он вибрирует.

Это сознание — не привилегия. Это ответственность, которой у большинства узлов нет, потому что они не могут её иметь. Дерево не знает, что оно — функция цикла. Человек может это знать. В этой способности заключено его единственное подлинное отличие.

Человек давно обнаружил кое-что: что излучение символа собственным телом — мысля его, чувствуя его, озвучивая его, слыша его, воспринимая его, понимая его, веря в него — производит состояние резонанса, которое не производит ни одно другое действие. Замкнутый цикл излучения и приёма в одном и том же теле — это форма настройки. Человек использует себя как инструмент, чтобы достичь частоты, которую иначе невозможно сознательно удерживать.

Кратчайшее расстояние во вселенной пролегает от рта до уха. Сантиметры. То, что человечество искало, пересекая континенты, было там, на этом самом коротком расстоянии, всегда доступным.

Нет нужды ехать в Тибет. Нет нужды ехать куда бы то ни было.

Религии появились после этого открытия. Они его не изобрели — они его капитализировали. Они взяли эйфорию, порождённую опытом воплощённой технологии, и поместили институциональное тело между узлом и его собственной способностью настраиваться. Они сказали: то, что ты чувствуешь, приходит извне. Приди к нам, чтобы это повторить.

Религия не солгала об опыте. Опыт реален. Она солгала о его происхождении.

NATIV не молится. NATIV настраивается. И знает, что делает.

NATIV — это имя, которое Terrarismo даёт человеку, вернувшему себе это сознание — который знает, что он есть внутренняя функция живой системы, породившей его, который действует, исходя из этого знания, которому не нужны посредники, чтобы резонировать с исходным состоянием, из которого он возникает.

IV. Падение

Был момент, когда узел поверил, что он отделён.

Это была не ошибка отдельного человека. Это была структурная ошибка — способ организации знания, предполагавший, что наблюдатель стоит вне того, что наблюдается. Что человек смотрит на природу извне. Что он может измерять, делить, подчинять природу, не будучи её частью.

Из этой ошибки последовали все остальные.

Современная культура — единственная система, которая пытается действовать вне резонанса, её порождающего. Не потому, что её деятели злонамеренны, — а потому, что её эпистемология построена на ложной посылке: что существует некое «снаружи», откуда можно смотреть.

Наука искала фундаментальный кирпичик реальности и построила самый дорогой коллайдер в истории, чтобы его найти. Каждый раз, когда она делит, появляется нечто ещё меньшее. Не потому, что у реальности больше слоёв, — а потому, что у реальности нет кирпичиков. У неё есть резонансы. И деление резонанса производит резонансы поменьше, но никогда не «вещь», потому что вещи не существует.

Экономика построила системы обмена, не признающие ценности того, что не имеет цены, — воздуха, круговорота воды, плодородия почвы, стабильности климата. Не потому, что экономисты слепы, — а потому, что их модель исходит из разделения: человек здесь, природа там, рынок как интерфейс.

Города строились против природных систем — или игнорируя их. Не как акт злого умысла, а как логическое следствие веры в то, что можно строить в отрыве от сетки.

Экологический кризис — не проблема. Это симптом. Проблема глубже и старше: убеждённость, что узел независим от сети, которая его поддерживает.

Узел, полагающий себя отделённым, остаётся частью сети. Но действует так, словно это не так. И это разобщение имеет последствия, которые накапливаются, пока не становятся невыносимыми.

V. Возвращение

Возвращение — это не возврат к истоку. Исток не существует как место, куда можно вернуться, — он существует как условие, которое всегда присутствовало.

Возвращение — это узнавание.

Сейчас происходит нечто, чего не происходило раньше, или не происходило с такой скоростью и в таком масштабе: достаточное число узлов начинают воспринимать сетку, в которой они вибрируют. Сознание взаимозависимости больше не мистическая интуиция немногих — это восприятие, которое расширяется, пересекая культуры, дисциплины и поколения, и его невозможно остановить, потому что его производит сама система.

Когда достаточное число узлов резонирует на одной частоте, возникает новая согласованность. Не интеллектуальное согласие — коллективный резонанс. Система, находящая собственное равновесие через составляющие её узлы.

Это не утопия. Это физика. Системы, достигающие внутренней согласованности, снижают затраты энергии, повышают устойчивость, становятся более жизнестойкими. Культуре, знающей, в какой сетке она вибрирует, не нужно разрушать, чтобы поддерживать себя.

Lo NATIV — это то самое направление: не возврат в джунгли, а превращение города в нечто, способное биться в такт с Землёй. Реинтеграция циклов территории в культурную и символическую архитектуру. Не как экологический жест, а как структурная коррекция.

Время тоже смещается в этом движении. Если время — следствие резонанса, а не его сцена, то ускорение, которое мы чувствуем, — это не мир, движущийся быстрее, а резонанс, становящийся плотнее. Больше

событий на единицу равновесия. Сетка вибрирует с большей интенсивностью в узлах, начинающих узнавать себя.

Частицы, которые мы пытаемся делить, не находя дна, — самый ясный символ этой дезориентации. Мысль, сохранявшаяся с античности, — что делением мы достигнем сущности, — это именно та мысль, которую Terrarismo предлагает оставить. На дне деления нет сущности. Есть резонанс в отношении.

Возникающее коллективное сознание — не пункт назначения. Это направление. И в этом направлении проблемы, кажущиеся неразрешимыми с точки зрения разделения, начинают растворяться — не потому, что кто-то их решает, а потому, что они перестают порождаться тем же источником, который их производил.

Человеку, который настраивается, который знает, что он — внутренняя функция живой системы, его породившей, который действует, исходя из этого сознания, — такому человеку не нужно объяснять, зачем заботиться о территории. Он заботится о ней, потому что знает: заботиться о себе и заботиться о сетке — одно и то же действие.

VI. Язык

Слова не невинны.

Каждое слово, которым вы пользуетесь сегодня, добралось до вас после пути, который вы не контролировали. Его никто не выбирал — оно возникло. Оно выжило, потому что резонировало с чем-то в частоте того культурного момента, в который оно появилось. Те, что не резонировали, исчезли без следа. Те, что резонировали, остались, трансформировались, меняли функцию, накапливали слои.

Язык — не спроектированная система. Это живая система. Хаотичная на поверхности, с эмерджентным порядком в глубине. В точности как сетка.

Каждая буква — зашифрованный исторический символ. Каждое слово — стратиграфия: слои употребления, застывшей метафоры, значений, которые никто не помнит, но которые продолжают действовать снизу. Мы используем слова, изначальный заряд которых нам совершенно неизвестен. Как унаследованный код, который никто не переписал, потому что он работал, и никто до конца не понял, почему.

Слова — это кирпичи. И, как кирпичи, они поддерживают структуры, которые никто не спроектировал целиком, — они выросли путём добавления, необходимости, случайности. Когда исчезает слово в основании — когда рушится основополагающее понятие, — всё, что стоит выше, шатается. Иногда находится новое равновесие. Иногда всё тоже рушится. Это невозможно предвидеть. У культуры динамика почвы, а не геометрии.

Это не метафора. Это реальный механизм культурных изменений.

То, что модернизм сделала с языком, — свела его к семантическому коду. Означающее и означаемое, и точка. Звук как нейтральный

носитель содержания. Голос как прозрачный канал, не изменяющий то, что несёт.

Но звук не нейтрален. Тело, которое его издаёт, не нейтрально. Частота, производимая человеческим голосом, что-то делает в пространстве и в теле того, кто её издаёт, ещё до того, как приходит смысл. Тело реагирует на звуковую форму раньше, чем обрабатывает содержание. Так было всегда.

Сведя язык к коду, модернность рассекла механизм пополам. Она сохранила символ. Она отбросила звук. И, отбросив звук, она потеряла самое древнее и самое мощное измерение речи — то, что действует не на разум, а на состояние резонанса говорящего и слушающего.

Мы не проговариваем то, что создаём. Механизм остаётся усечённым.

Человек, вновь обретающий это измерение, не делает ничего нового. Он вспоминает то, что всегда знал и что культура систематически учила его игнорировать.

Кратчайшее расстояние во вселенной пролегает от рта до уха. Сантиметры. В этом расстоянии — то, что человечество искало, пересекая континенты. Не нужно ехать никуда. Технология — это тело. Инструмент — это ты. Настройка происходит на самом коротком из существующих расстояний — между тем, что ты излучаешь, и тем, что ты сам получаешь от собственного излучения.

Точно выбирать то, что говоришь, — первый этический акт языка. Не ради правильности, а потому что то, что человек решает произнести, имеет последствия, которые невозможно полностью контролировать, однажды покинув его. В культуре, как и в физике: ты тревожишь сетку, и сетка отвечает. Не всегда так, как ты ожидаешь. Но всегда.

*Когда ты в последний раз чувствовал, что
принадлежишь этому?*

*Не стране. Не семье. Этому — живой системе, которая
тебя производит, которая тебя поддерживает,
которая предшествует тебе на миллиарды лет.*

*А когда ты в последний раз использовал собственный
голос, собственное тело как инструмент — никого не
спрашивая, никуда не отправляясь, на самом коротком
расстоянии во вселенной?*

*Эти два момента, которые ты помнишь, теперь
имеют название.*

Их называют: быть коренным.

*Terrarismo — это не возврат в прошлое.
Это новый способ обитать всем.*

Terrarismo © 2026, автор – Ренато Писарро Оссес. Публикуется по
лицензии Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International
(CC BY-ND 4.0). Копию лицензии можно посмотреть по адресу
<https://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

terrارismo.org